

ИЗОБРАЖЕНИЯ "KFTIW" В ОФОРМЛЕНИИ ГРОБНИЦ ВЕЛЬМОЖ НОВОГО ЦАРСТВА

FIGURES "KFTIW" IN THE DESIGN OF THEBAN TOMBS

A. Barbashov

Annotation

This article is devoted to the mention of "kftiw" in the tombs of the nobles of the New Kingdom. Based on his analysis of written and archaeological data from Egypt, the author shows the interpretation and role of "kftiw" in the ethnocultural contacts of Egypt and the Aegean. Placing images in their tombs, Egyptian nobles showed their high position, closeness to the king in his foreign policy activities, which since the XVI BC, becomes the most important in Egyptian politics.

Keywords: Egypt, Aegean, keftiu, New Kingdom, tombs of nobles.

Барбашов Александр Александрович
Аспирант,
Московский государственный
областной университет

Аннотация

Статья посвящена упоминаниям о "kftiw" в гробницах вельмож Нового царства. На основании письменных и художественно-изобразительных источников автором представлена интерпретация и проанализирована роль "kftiw" в этнокультурных контактах Египта и Эгеиды. Размещая изображения в своих гробницах, египетские вельможи показывали свое высокое положение, близость к царю в его внешнеполитической деятельности, которая с XVI в. до н.э. становится важнейшей в египетской политике.

Ключевые слова:

Египет, Эгеида, кефтиу, Новое царство, гробницы вельмож.

В период XVIII династии одной из излюбленных тем настенных росписей в местной иконографии стало изображение иноземных представителей. Данные сюжеты позволяют нам расширить представления об экономической и политической жизни Египта, взаимоотношениях с соседними областями. Со времен периода Нового царства у нас сохранилось немало изображений из частных гробниц вельмож [13; p. 112]. Так, например, в гробнице Усерамона изображена процессия людей из Эгеиды, представлены вазы и кувшины, по стилистике свойственные этому региону. Жители Эгеиды в египетских текстах обозначены терминами "kftiw" и "jw hrj-jb nw w3d-wr" [4; p. 40].

Возникает вопрос, с какой целью египетские мастера так детально изображали представителей других государств в своих гробницах? Несло ли это какое-то сакральное или идеологическое значение? Попытаемся проанализировать этот факт и ответить на данный вопрос.

Веркуттер в своих исследованиях [16; p. 188–189] считал, что изображения минойцев показывают своего рода статус владельца гробницы, который имел с ними дело, принимал как послов, занимался внешнеполитическими контактами. Часть гробниц с данными сюжетами принадлежала везирам – Усерамону, Рехмира, в функции которых как раз и входила встреча иноземных послов.

Гробница Сенмута

Рассмотрим гробницы вельмож XV–XIV вв. до н.э. Гробница Сенмута является первой из частных, где присутствуют изображения минойцев. Она расположена в Шейх Абд эль-Курне. Сенмут был одним из важнейших вельмож времен правления Хатшепсут. В его гробнице сохранилась сцена с эгейским сюжетом. Она находится на западной стене в северо-западной части захоронения. В правом фрагменте изображения различима фигура минойца, несущего на плече кувшин и держащего в другой руке амфору за ручку [3; Pl. XIV]. Фигура окрашена в бронзовый цвет, различим поясной ремень с меандром. Чуть выше видны две бычьи головы, между рогами которых расположено солнце. Слева от фигуры минойца видны плохо сохранившиеся черты другого мужчины, судя по фрагменту его пояса – также минойца. Они изображены в окружении различных предметов, привезенных ими с собой, – амфоры, ножи, сосуды и т.д.

Дж.Стрейндорф, Д. Пендлбери и Н. Де Гарис Дэвис, как и Холл, и Эванс до них, в своих монографиях описывали физические характеристики (цвет кожи, волосы, профиль носа), считали изображения из египетских гробниц отдельными "расовыми" и "этническими" типами [6; p. 18–48] и настойчиво подчеркивали их "европейские" характеристики. Предметы, которые несли эгейские фигуры, описывались как объекты, принадлежащие определенной археологической культуре ("минойской"

или "микенской"), на основании аналогии в археологическом материале [4; р. 23–24]. Изображения фигур, несущих эти предметы, были расценены как отображающие действительные физические черты. Таким образом, тонкие талии представленных эгейских фигур в гробнице Сенмута были квалифицированы как особая черта "микенской расы", для сирийско-эгейских иконографических смешанных фигур был предложен термин "Сирокефтиу", а также возникла гипотеза о расположении в Киликии, хотя их существование там, что неудивительно, не было археологически подтверждено [7; р. 200–204]. Термины "раса" и "культурный ареал" действительно использовались до появления понятия археологической культуры, в то время как термин "культура" была обычным для археологии 1920-х годов [9; р. 16–17].

Гробница Рехмира

На западной стене имеется хорошо сохранившееся изображение подношения дани иноземных народов [4; Pl. XVIII]. Путем использования данного сюжета Рехмира подчеркивает сразу два момента – идеологический, показывающий мощь и величие Египта, который проводил активную внешнеполитическую кампанию на северо-восточном (Левант) и южном (Нубия) направлениях, и экономический, в деталях подчеркивающий богатства, которыми Египет стал обладать. Сцена состоит из пяти регистров. В каждом мы наблюдаем подношение дани различными народами.

Для нашего анализа наибольший интерес представляет регистр номер два (сверху). Обнаружить, что это представители Эгеиды, не так сложно. На это указывают юбки, волосы до плеч с завитками или собранные в косу. На ногах у них сандалии с ремешками. Вместе с этим обращает на себя внимание окраска кожи – она имеет кирпичный, бронзовый оттенок, как у египтян. Минойцы несут с собой золотые и серебряные сосуды, амфоры, ритоны. Данный регистр занят эгейскими фигурами, упомянутыми в сопроводительном тексте как принцы "kftjw с островов посреди wzd wr (морья)" [8; р. 38–39].

Гробница Менхеперресенеба

В фиванской гробнице Менхеперресенеба, первого пророка Амона при Тутмосе III, существует изображение, показывающее подношение подарков, в двух регистрах [3; Pl. XXI]. В верхнем изображены типично минойские фигуры с прическами и одеждой в характерной стилистике, о которых мы говорили, рассматривая аналогичные гробницы других вельмож. Фигуры представлены в разном положении, что символизирует стадии данного процесса и церемониал египетского двора. В рельефе на первом регистре присутствует надпись "Начальник над Кефтиу, начальник над Хатти" [1; р. 110–111].

Эгейские фигуры в гробнице Менхеперресенеба входят вместе с сирийскими и сирийско-эгейскими смешанными фигурами, занимающими разные регистры сцены. Первые три фигуры в первом регистре имеют сирийский тип. Стоящая в начале обозначена как "принц kftjw" (wr n kftjw). Остальные фигуры в первом регистре – это девять эгейских силуэтов [8; р. 30]. Поскольку сложилось так, что известных египетских изображений эгейских фигур в форме приветствия царя не встречается, художник, возможно, использовал существующий мотив сирийской коленопреклоненной фигуры ввиду отсутствия мотива эгейской фигуры на коленях в его книге для копий. Действительно, фигура в проскинезе также является первой в регистре второй сцены процессии в гробнице Менхеперресенеба, где изображены смешанные сирийские и сирийско-эгейские фигуры [5; Pl. IV].

Второй регистр сцены процессии в гробнице Менхеперресенеба занят в основном сирийскими и сирийско-эгейскими смешанными фигурами, причем только четвертая фигура в регистре является эгейской. Третий регистр также в основном занят сирийскими фигурами, за исключением двух эгейских или сирийско-эгейских смешанных фигур. Текст выше третьего регистра относится к ним как "hzw-nbwt" [8; р. 30].

Другие гробницы вельмож

Смешанная фигура из гробницы Пуимра [2; Pl. I] находится с тремя другими (сирийского типа) и описывается как принц иностранного государства "далекого севера, Азии" ("phw stt") [8; р. 163]. Фигуры из гробницы Усерамона эгейского типа, но за ними не следует текст, относящийся только к ним. Существует шесть регистров с иностранными процессиями, первая из которых – с эгейскими фигурами, а текст, относящийся ко всем регистрам, располагается выше фигуры Усерамона. В тексте объясняется, что "jnw" привезены из стран дальнего севера, "Азии" и с "каждого острова посреди wzd-wr (морья)" [8; р. 23]. Поэтому, поскольку текст, относящийся к эгейским фигурам в гробнице Рехмира, описывает их как пришедших из "kftjw с островов посреди wzd-wr (морья)", можно заключить, что эгейские фигуры в гробнице Усерамона также исходят с "каждого острова посреди wzd-wr (морья)", хотя это записано не в их реестре, а в тексте, описывающем всю сцену.

Сирийские фигуры в третьем регистре сцены процессии в гробнице Аменемхеба упоминаются в сопроводительном тексте как происходящие из "kftjw, mnpws и всех зарубежных стран вместе" [8; р. 44–46]. Таким образом, термин "kftjw" относится к сирийским фигурам во всех случаях (Менхеперресенеб и Аменемхеб), кроме гробницы Рехмира. Единственный контекст, в котором термин "kftjw" относится к эгейским фигурам, – это гробница

Рехмира. Следует подчеркнуть, что здесь он появляется вместе с "островами посреди wzd wr (моря)" как место происхождения эгейских фигур. Так как "kftjw" почти двусмысленно понимается как Крит, применение этого термина по отношению к сирийским фигурам или появление предметов, которые переносятся сирийскими фигурами, в руках эгейских часто понимается как несовместимость или аргумент против идентификации "kftjw" как Крит [10; р. 38].

Следует ли считать, что Крит являлся данником Египта? Д. Панагиотопулос, опираясь на анализ текстов, сделал вывод, что часто встречающееся слово "jnj" – "дань" не соответствует действительности [11; р. 275]. В своих выводах, основываясь на Гардинере, исследователь приходит к мысли, что "jnj" следует корректнее переводить как "подарок" [11; р. 275–276]. Это хорошо согласуется с нашими данными, где нет никакого подтверждения политической зависимости Крита от Египта. В гробнице Рехмира имеется надпись, где говорится, что минойцы "слышали" о достижениях царя (египетского), но не испытывали никакого политического давления с его стороны [11; р. 271].

Эгейские фигуры в гробницах XVIII династии не засвидетельствованы как происходящие только из "kftjw" [14; р. 15], и поэтому, помимо того факта, что "kftjw" является термином для земли, его нельзя понимать как этноним, означающий "минойцы". Соотнесение минойцев с египетским термином "kftjw" является очевидным результатом культурно-исторического осмысления археологических культур как "народов" и непринципиального обозначения их с помощью терминов из многочисленных записей (например, надписи в египетских гробницах).

Эгейские фигуры в фиванских гробницах в сопроводительных текстах обозначаются как "принцы" (wptw), происходящие с "jw nb n hrj-jb nw wzd wr" – "каждого острова посреди wzd wr" (Усерамон, раннее царствование Тутмоса III), "hzw-nbwt" (Усерамон, раннее царствование Тутмоса III) и "kftjw jww hrj-jb nw wzd wr" – "kftjw и/с острова посреди wzd wr" (Рехмира, конец правления Тутмоса III – начало правления Аменхотепа II) [1; р. 108–120].

Предметы, которые несут эгейские и сирийские фигуры, переходят друг в друга – с изображением эгейских предметов, привезенных сирийскими фигурами и наоборот. Смешанные сирийско-эгейские фигуры в сопроводительных текстах идентифицированы как происходящие от "hzw-nbwt" (Менхеперресенеб), "phr wr" – "Евфрат" (Менхеперресенеб), "tz ntr" – "Земля Бога" (Пуимра) и "phw stt" – дальний север, "Азия" (Пуимра) [8; р. 267]. Все эти топонимы содержатся в египетской культурной топографии, расположенной на севере [17; р. 97–99].

Там также никогда не существовало настоящих сирийско-эгейских гибридов, как это изображено в фиванских гробницах. Можно сказать, что иконографический гибрид эгейца и сирийца отразил тесную связь между ними в египетской культурной топографии и систематизации. Поскольку термины, используемые для обозначения эгейских, сирийских и смешанных сирийско-эгейских фигур, относятся к северу, мы можем предположить, что причиной их тесного отношения к египетской иконографии является северное расположение данных фигур в египетской культурной топографии. Поэтому для египтян Нового царства эти группы населения были концептуально связаны [15; р. 12–18]. Когда топоним "kftjw" ассоциируется с фигурами и топонимами, отличными от тех, которые связаны с эгейцами, это не означает, что "kftjw" не может относиться к Криту. Наоборот, это скорее означает, что регионы, которые мы склонны резко разделять, не были так однозначно отделены от египтян Нового царства. Это также не означает, что они не делали никакой разницы между этими регионами вообще.

Присутствие нубийских и сиро-палестинских даров вместе с минойскими было, скорее всего, церемониальной демонстрацией подарков, но никак не данью в ее традиционном понимании. Целью египетских художников было обозначить порядок, церемониал египетского двора. Подношение даров не всегда обозначало политический доминант одного государства над другим. Амарнский архив подтверждает, что дары укрепляли союзнические отношения между ведущими политическими игроками на международной арене. Яркой иллюстрацией может служить просьба вавилонского царя Бурна-Буриаша II к Эхнатону прислать золото или отправка Аменхотепом III Кадашман-Эллилю I материалов для строительной деятельности [11; р. 276–277]. Вручение даров символизировало, таким образом, подтверждение добрососедских отношений. Но как же квалифицировать тот факт, что в гробнице Рехмира и Усерамона минойцы подносят дары вместе с политически зависимыми сиро-палестинскими представителями? Здесь явно срабатывает пропагандистский эффект. Как мы помним из поэмы Пентаура, в тексте идет речь о личной победе Рамсеса II над врагами, хотя, как мы знаем, исход битвы был далек от того, что задекларировано в тексте. Еще одним примером может служить письмо все того же Кадашман-Эллилю I, в котором царь жаловался на неравноправие при одной египетской церемонии, когда подаренные колесницы вавилонян стояли в одном ряду с дарами сиро-палестинских князей [12; р. 55–56, 11; р. 276–278]. Таким образом, сцены из гробниц Рехмира и Усерамона не должны вводить в заблуждение о якобы даннических отношениях между Критом и Египтом. Церемониальный этикет египтян играл важную роль и не всегда отображал реальную внешнеполитическую ситуацию.

Церемониальный этикет в виде обмена подарками при XVIII династии замещал собой подписание каких-либо договоров, продвигал экономические и политические связи между государствами. Размещая данные изображения в своих гробницах, египетские вельможи по-

казывали свое высокое положение, близость к царю в его внешнеполитической деятельности, которая, как мы помним, с XVI в. до н.э. становится важнейшей в египетской политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cline E. Sailing the Wine-Dark Sea: International trade and the Late Bronze Age Aegean / British Archaeological Reports, Oxford, 1994. 316 p.
2. Davies N.G. The Tomb of Puyemre at Thebes. Vol. I: The Hall of Memories, New York, 1922.
3. Davies N.G. Ancient Egyptian Paintings, Volume I, Chicago, 1936.
4. Davies N.G. The Tomb of Rekh-Mi-Re at Thebes. Vol. I. New York, 1943.
5. Davies N.G., Davies N.G. The Tombs of Menkheperresonb, Amenmose and Another (Nos. 86, 112, 42, 226). London, 1933.
6. Evans A. The Palace of Minos—A comparative account of the successive stages as illustrated by the discoveries at Knossos Vol. II, Part II—Town—Houses in Knossos of the New Era and restored West Palace Section, with its state approach. London, 1928.
7. Hall H. The Civilization of Greece in the Bronze Age (The Rhind Lectures 1923), London, 1928.
8. Hallmann S. Die Tributzszenen des Neuen Reiches. Agypten und Alten Testament 66. Wiesbaden, 2006.
9. Jones S. Archaeology of Ethnicity: Constructing identities in past and present. London, 1997.
10. Nibbi A. Further Remarks on wd wr, Sea Peoples and Keftiu. Gottinger Miszellen 10: 35–40, 1974.
11. Panagiotopoulos D. Keftiu in Context: Theban Tomb Paintings as a Historical Source. Oxford Journal of Archaeology 20 (3): 263–283, 2001.
12. Panagiotopoulos D. Encountering the foreign. (Deconstructing alterity in the archaeologies of the Bronze Age Mediterranean., 51–60, in: J. Maran and P.W. Stockhammer (eds.), Materiality and Social Practice: Transformative Capacities of Intercultural Encounters. Oxford, 2012.
13. Phillips J. Review : Duhoux, Y.—Des Minoens en Egypte? "Keftiou" et "Les iles au milieu du Grand Vert" Bibliotheca Orientalis LXV (1–2): 111–114, 2008
14. Save-Soderbergh T. Four Eighteenth Dynasty Tombs. Private Tombs at Thebes 1. Oxford, 1957.
15. Strange J. Caphtor/Keftiu: A New Investigation. Leiden, 1980.
16. Vercoutter J. L'Egypte et Le Monde Egeen Prehellenique. Etude Critique des Sources Egyptiennes (Du debut de la XVIIIe a la fin de la XIXe Dynastie), Le Caire, 1956
17. Wachsmann S. Aegeans in Theban Tombs. Orientaba Lovaniensia Analecta 20. Leuven, 1987.

© А.А. Барбашов, (albarbashov8@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА